

Своеобразием этого объекта, определяющим его статус и место в лексико-семантической системе, является его соизмеримость, с одной стороны, с классами слов, парадигмами, с другой — со словом.

С точки зрения способа репрезентации, образный комплекс логично интерпретировать как парадигму (его представляет, «материализует» лексико-фразеологический массив, именуемый ассоциативно-семантическим, или ассоциативным, полем), соотносящуюся с другими типами парадигм: лексико-семантической группой, лексико-семантическим полем, тематической группой и т. д.

Однако целый ряд свойств сближают образный комплекс и со словом. С точки зрения своеобразия семантической структуры, это образование обнаруживает изоморфизм не столько с другими типами парадигм, имеющих более «строгую» структуру, сколько со словом. Как и слово, образный комплекс многообразно варьирует в речевом воплощении, и варьирование следует рассматривать как способ его функционирования. В процессе ассоциативного функционирования проявляет себя еще одно существенное свойство образного комплекса: в условиях разнообразной лексической экспликации и воплощения в разном семантическом объеме — в виде разных комбинаций конкретных смыслов, элементов его семантической структуры — образный комплекс отчетливо сохраняет свое единство, ощущается как цельное образование, как своеобразная семантическая единица.

С учетом названных и других свойств образного комплекса представляется оправданным говорить о том, что он выступает как способ и единица хранения информации о реалиях объективного мира в сознании носителей языка, а также как единица речемыслительной деятельности.

З. И. Комарова

Уральский государственный университет

О ТИПАХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

По вопросу включения/невключения терминологических единиц в состав фразеологии, как известно, существуют две полярные точки зрения: включения по признаку устойчивости и воспроизводимости (Ф. Ф. Фортунатов, В.В. Виноградов, Ш. Балли, Н. М. Шанский и др.) и невключения по признаку отсутствия деактуализации слов в единице (А. И. Молотков, Л. А. Войнова, А. И. Федоров и др.). Есть и промежуточное понимание границ фразеологии, допускающее включение в ее состав некоторых терминологических единиц (Б. А. Ларин, В. П. Жуков и др.).

Устанавливая типологию фразеологических единиц, Б. А. Ларин указывал: «Существенным недостатком предложенных до сих пор классификаций является их ограничение материалом современного и притом почти исключительно литературного языка» (Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1956. Вып. 24. № 198. С. 79). Такое сужение привлекаемого к исследованию материала нам также кажется неправомерным, выводящим из поля зрения терминологические единицы, которые, кстати, часто выступают как прототипы фразеологизмов.

Прямо не ставя задач уточнения границ и объема фразеологии, сделаем подступ к этому, подвергнув анализу терминологические единицы с позиций их идиоматичности как смысловой неразложимости и устойчивости как меры, степени семантической слитности, неразложимости компонентов. При этом принимаем следующие методологические посылки:

- под терминологическим пространством понимается целостная терминосистема (в нашем случае — сельскохозяйственная), бытующая как подязык русского национального языка;

- поскольку термин как специфическая языковая единица «живет» в противоречивом динамическом единстве трех своих ипостасей: языкового субстрата, логического суперстрата и терминологической сущности, — постольку в формировании его семантики участвует много образующих «сил», идущих как от общего языка, так и от понятийно-категориального, тематического, деривационного своеобразия данной терминосистемы;

- учитывая, что лишь комплексный подход дает наиболее объективные и надежные результаты (В. Л. Архангельский, Р. Н. Попов, В. А. Кунин, В. П. Жуков и др.), в исследовании используем комплекс методов и приемов;

- в связи с тем, что деривационной базой многословных составных терминов является терминологическая лексика и лишь для двусловных (реже — трехсловных) — общенародная, происходит сдвиг в использовании методов и приемов исследования, в частности метод аппликации не является ведущим и тем более единственным.

На этих основаниях предлагается следующая градация составных сельскохозяйственных терминов, выстроенная по степени нарастания идиоматичности и устойчивости.

1-й тип — терминологические обороты с нулевой устойчивостью, представленные моделями максимальной «протяженности» составных терминов: шестисловными и пятисловными типа *цитоплазматическая мужская стерильность растений молдавского типа*, которые, объективируя научное понятие, отличаются лишь

воспроизводимостью. Это неаплицируемые единицы, в которых слова-термины целиком сохраняют свое знаковое терминологическое значение. Тип немногочисленный. Эти единицы можно соотносить с фразеологическими выражениями (по Н. М. Шанскому).

2-й тип — терминологические обороты с первой степенью устойчивости, представленные четырехсловными и трехсловными моделями типа: *поглотительная обменная способность почвы*. Неаплицируемые единицы, сохраняющие знаковые свойства слов-терминов, входящих в оборот. Их большая устойчивость по сравнению с первым типом связана с наличием семантического ядра, благодаря чему в форме этих терминов выражена трехъярусная иерархия понятий. Тип немногочисленный.

3-й тип — терминологические обороты второй степени устойчивости, представленные «серийными» моделями двусловных терминов субстантивного (*дискование почвы*) и атрибутивно-субстантивного (*аммиачная селитра*) характера. Это неаплицируемые лексикализованные единицы высокого уровня иерархии. Этот тип является господствующим.

4-й тип — терминологические обороты третьей степени устойчивости, что создается связанным значением слов с предметно ориентированной семантикой типа *черный пар, гибридный клевер*. Это неаплицируемые единицы, соотносимые с фразеологическими сочетаниями, по В. В. Виноградову. Тип многочисленный.

5-й тип — терминологические обороты четвертой степени устойчивости, представленные двусловными моделями типа: *ломать посев, рушить просо, выводить сорт*, в которых наблюдается связанное значение глагола аналитического характера. Тип довольно многочисленный.

6-й тип — терминологические обороты пятой степени устойчивости, в которых наблюдается связанное значение существительного с реляционно-аналитической семантикой типа *гибридная сила, утомление почвы*. Неаплицируемые единицы с частичной деактуализацией слов-компонентов. Тип довольно многочисленный.

7-й тип — терминологические обороты шестой степени устойчивости, в которых наблюдается образно-метафорическое использование одного или нескольких слов типа *дневной «сон» растений, весенний «плач» деревьев, зимний «клуб» пчел*. Это частично аплицируемые единицы с мотивированной семантикой, которые сближаются с фразеологическими единствами. Тип не очень многочисленный.

8-й тип — терминологические обороты шестой степени устойчивости с немотивированным значением типа *анютины глаз-*

ки, вернуть на старика, которые сближаются с фразеологическими смещениями. Тип не очень многочисленный.

Эти типы можно выделить в нормативной терминологии, а в ненормативной частотен 7-й тип. Кроме того, бытуют индивидуальные-образные выражения и крылатые слова типа: *консервант солнечного луча* (К. А. Тимирязев о зеленом листе растений), *верблюд растительного мира* (Н. И. Вавилов о сорго).

Т. В. Кортава

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

СИНТАКСИЧЕСКИЕ «ПОЛОНИЗМЫ» В ПРИКАЗНОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА

Роль приказного языка в процессе формирования норм нового русского литературного стандарта трудно переоценить. В эпоху средневековья не было никаких учреждений, которые специально занимались бы вопросами нормирования русского письменного языка.

При учреждении приказов не было проведено никакой системы. Некоторые приказы появлялись внезапно, затем подвергались слиянию с другими и, наконец, исчезли, утратив свои собственные функции. Крайняя пестрота функций затрудняет классификацию приказов. Однако были приказы, которые с момента своего образования сохраняли определенный статус и набор функций. К числу таких приказов принадлежал Посольский приказ, учрежденный в 1549 г.

Во главе приказа был поставлен Михаил Висковатый. Наиболее известные дьяки Посольского приказа — Федор Курицын, Труфан Ильин, Елизар Цеплятев (последний вел свою родословную от Рюриковичей). Первый русский «канцлер» А. Л. Ордин-Нащокин называл Посольский приказ «оком России».

Служащие Посольского приказа — дьяки, подьячие, толмачи и переводчики были всесторонне образованными людьми. Например, по отзыву иностранного путешественника Адама Олеария, думный дьяк, канцлер Иван Алмазов свободно владел турецким и персидскими языками. Некоторые служащие Посольского приказа были литературно одаренными людьми.

Литературная деятельность Посольского приказа имела две стороны — официальную и неофициальную. Примерами первой могут служить составление рукописной газеты «Вести-Куранты» — первого периодического издания на Руси, а также переводы и изготовление «потешных» и учебных книг для царевичей, потому что именно подьячие Посольского приказа считались самыми подходящими педагогами.